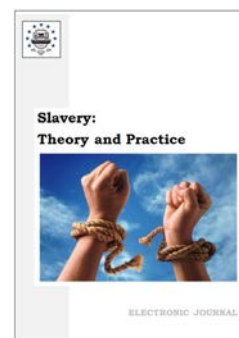


Copyright © 2025 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Slavery: Theory and Practice
 Issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2025. 10(1): 44-56

DOI: 10.13187/slave.2025.1.44

<https://stp.cherkasgu.press>


Slavery in the Pyrenees in the Late Middle Ages: Referring to the Works of I.V. Luchitsky and J.-A. Brutails on Slavery and the Slave Trade in Roussillon

 Evgeniya V. Kravtsova ^{a, *}
^a Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract

The article examines aspects of slavery and slave trade in the Iberian Peninsula, namely in its northeastern part, in the lands of Roussillon. The chronological period of the studied problematic covers the stage of the Late Middle Ages (14th–15th centuries), when Roussillon was Spanish territory. The reference materials are the studies of 19th century historians – I.V. Luchitsky and J.-A. Brutails. Through the review of I.V. Luchitsky “Russian slaves and slavery in Roussillon in the 14th and 15th centuries” (1886), distinguished by particular depth, the introduction of historical documents and his own analysis of the designated problem, the research path leads to the essay of the French author J.-A. Brutails, dedicated to the topic of slavery in Roussillon in the 13th–17th centuries. His French-language study, “Study on slavery in Roussillon, from the 13th to the 17th century” (1886), is also a very valuable source for historians: it contains numerous excerpts, quotations, copies of notarial acts, government decrees, and statistical data. When studying these works, the following key aspects of slavery, characteristic of medieval Roussillon, were revealed: 1) the socio-economic reasons for the spread of slavery; 2) the influence of the religious factor and the ambiguous attitude of the Catholic Church towards slavery; 3) the difficult social and legal situation of slaves; 4) the sources that replenished the slave stratum; 5) the ethnic diversity of slaves, who arrived not only from the African continent and the shores of the Mediterranean, but also from the distant Black Sea coast; 6) the spread of female slavery and its specific, sometimes horrific features. The disclosure of these aspects is undoubtedly a pressing task and requires further development and close attention from modern researchers.

Keywords: slavery and slave trade in Spain, Roussillon, I.V. Luchitsky, J.-A. Brutails, Russian slaves, female slavery, notarial acts, Late Middle Ages.

1. Введение

В 2025 г. исполнилось 180 лет со дня рождения выдающегося российского историка, одного из основоположников широко признанной «École russe» (Васильев, 2010: 125), медиевиста, исследователя социально-экономического и политического направлений в истории Нового времени, профессора Ивана Васильевича Лучицкого (1845–1918 гг.).

В данной статье обратимся к видной работе И.В. Лучицкого «Русские рабы и рабство в Руссильоне в XIV и XV вв.», написанной им в 1886 г. и задуманной как критический обзор труда французского автора Ж.-О. Брютэя, в котором затрагивалась обозначенная проблематика. Изыскание И.В. Лучицкого давно введено в научный оборот, на него ссылаются и современные исследователи, однако нет детального рассмотрения и

* Corresponding author

E-mail addresses: evgeniya-sinchina@yandex.ru (E.V. Kravtsova)

представления идей историка касательно рабства и работорговли на Пиренеях в период Позднего Средневековья. Тем ценнее, на наш взгляд, анализ этнического аспекта, озвученного в труде И.В. Лучицкого: руссильонские рабы по своему этническому составу были, в том числе, представителями славян, о чём свидетельствуют приведённые в рецензии выдержки из исторических источников. Указанный аспект при более глубоком изучении современными историками мог бы приоткрыть малоизвестную страницу истории Руси и её связей со средиземноморскими землями (а если более конкретно, то с испанскими) во времена Позднего Средневековья.

Имя французского историка, архивиста, палеографа, искусствоведа Ж.-О. Брютэя, творившего во второй половине XIX – начале XX в., практически неизвестно современной российской исторической науке. Его труды, к сожалению, остаются непереведёнными на русский язык, хотя знакомство с ними могло бы стать настоящим открытием для исследователей, погружённых в эпоху средневековой Франции. Очерк о рабстве в Руссильоне (провинции на Пиренеях) содержит огромное количество документальных выдержек, цитат и статистики, собранных Ж.-О. Брютэем во время его работы архивариусом Pyrénées-Orientales, поэтому может также использоваться современными исследователями как источник по истории рабства и работорговли на западном побережье Средиземного моря.

2. Материалы и методы

В качестве центрального источника настоящей статьи выступает рецензия И.В. Лучицкого «Русские рабы и рабство в Руссильоне в XIV и XV вв.» (Лучицкий, 1886b) на работу французского историка Жана-Огюста Брютэя (Jean-Auguste Brutails) «Étude sur l'esclavage en Roussillon du XIII^e au XVII^e siècle», опубликованную в 1886 г. в журнале «Revue historique de droit français» (Brutails, 1886). Значимость очерка И.В. Лучицкого заключается в том, что поднимаемая Брютэем тема давно интересовала русского исследователя, и он ещё до 1886 г. делал шаги в этом направлении: например, лично посещал Испанию (1882 г.) и работал в её архивах, из которых извлёк любопытные для историков материалы, писал о рабстве в Европе XIV–XV вв. в «Университетских Известиях» (1885 г.), а также подробно интересовался историографией проблемы, что видно из текста рецензии. Всё это способствовало тому, что работа И.В. Лучицкого о рабстве в Руссильоне носила характер не только критического обзора на статью французского коллеги, но и демонстрировала собственный научный взгляд российского историка на проблему, подкреплённый анализом многочисленных архивных данных и юридических документов средневековой Испании. Как будет изложено далее, И.В. Лучицкий выходит за рамки рецензирования и фактически проводит собственное исследование на основе позитивистской методологии. Таким же образом он создал ещё одну любопытную рецензию – «Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV–XV вв.» (Лучицкий, 1886a), которая также могла бы стать предметом отдельного исторического изыскания. Согласимся с мнением украинского историка С.И. Лимана, который так характеризует упомянутые работы И.В. Лучицкого: «Формально и по названию эти работы считаются рецензиями. Однако их особенностью было то, что помимо критического разбора значительный объём в них И.В. Лучицкий отводил обстоятельному параллельному исследованию проблемы» (Лиман, 2006: 350). Труды И.В. Лучицкого, проливающие свет на малоизученные аспекты рабства в средневековой Европе, могут являться ценным фундаментом и отправной точкой для современных исследователей, стремящихся к более глубокому пониманию этой сложной и многогранной темы.

Что касается упоминаемой работы Ж.-О. Брютэя, то мы также обратились к ней при написании этой статьи, используя её как важный источник. Очерк французского историка под названием «Étude sur l'esclavage en Roussillon du XIII^e au XVII^e siècle» («Исследование рабства в Руссильоне XIII–XVII вв.»), хотя и не всегда раскрывает причинно-следственные связи, отчасти носит описательный характер, тем не менее имеет под собой серьёзную базу, основанную на различных видах источников. Исследование состоит из двух частей. В первой части приведены статистические данные, выдержки из юридических актов, дана общая историческая канва распространения рабства на Пиренеях и в Руссильоне. Далее, во второй части, в качестве подтверждения своих мыслей Ж.-О. Брютэй прилагает документальные доказательства (*pièces justificatives*), а именно: купчие на рабынь, королевское положение о

военнопленных, материалы об освобождении рабынь, условия освобождения, принятые местными депутатами, и проч. ([Brutails, 1886: 35-44](#)). Процитированные Ж.-О. Брютэйем документы, а также статистика и данные из нотариальных книг являются ценным историческим материалом, поскольку взяты из первоисточников.

В данной работе мы придерживались незыблемых столпов исторического исследования: объективности, системного анализа, принципа историзма, а также внимательного отношения к историографической традиции. Задействованным инструментарием выступают методы, позволяющие воссоздать прошлое во всей его полноте и сложности: описательный, историографический, историко-структурный, ретроспективного анализа и синтеза, каждый из которых вносит свою лепту в раскрытие явления рабства на Пиренейском полуострове в эпоху Средних веков.

3. Обсуждение

Научные изыскания, затрагивающие поднимаемые в нашей статье вопросы, следует условно разделить на две группы:

1. Работы, которые не только упоминают или анализируют рецензию И.В. Лучицкого «Русские рабы и рабство в Руссильоне в XIV и XV вв.», но и расширяют горизонты изучаемой проблемы, вносят новизну в её познание. Так, в довольно обстоятельном труде современного исследователя М.А. Астахова «Русские пленники и рабы в Арагонской Короне XIV-XV вв.» ([Астахов, 2017](#)), автор, опираясь на широкий круг источников, в том числе работы иностранных исследователей, подробно рассматривает положение русских невольников в Арагонском королевстве. При этом Астахов не во всём разделяет выводы, сделанные И.В. Лучицким, если применять их в общем к Арагону. Привлекая дополнительные источники, М.А. Астахов ставит под сомнение взаимосвязь этнического фактора, спроса и цены на рабов. По мнению М.А. Астахова, ведущее значение играла внешность раба, его цвет кожи (например, *blanch* – белый), а затем уже возраст, физическое состояние и др. ([Астахов, 2017: 45](#)). В качестве доказательства приводятся описания внешности рабов в средневековых документах, где главными отличительными характеристиками раба служат его расовые признаки. Этот вывод, безусловно, опирается на рациональные основания, однако нуждается в более глубокой проработке на уровне исторической науки. В контексте экономических связей между государствами Пиренейского полуострова и Золотой Ордой, к трудам И.В. Лучицкого обращается историк А.В. Пачкалов в своей работе, приоткрывая завесу над ведением работорговли. Славянские невольники из Причерноморья, находившегося под контролем Золотой Орды, как живой товар переправлялись итальянскими купцами в города Италии и юга Франции, а также в Гранадский эмират и Малагу, а оттуда – в испанские земли ([Пачкалов, 2025: 66](#)).

2. Труды, в которых поднималась тема русских рабов на Пиренеях и в Западной Европе до и после исследования И.В. Лучицкого.

Долгий и тернистый путь изучения русских невольников, оказавшихся на землях Пиренейского полуострова и в Западной Европе, был проложен ещё до фундаментальных исследований И.В. Лучицкого. Так, из российских историков о теме русских рабов писал славист В.И. Ламанский. В 1859 г. свет увидела его магистерская диссертация «О славянах в Малой Азии, Африке и Испании», в которой отдельная глава посвящена связям Руси с Пиренейским полуостровом ([Ламанский, 1859: 222-370](#)). Автором приведены документальные свидетельства (арабские, испанские, славянские) о присутствии славян на испанских землях с X по XIX в., в том числе есть упоминание о русских невольниках. Более того, В.И. Ламанский настойчиво утверждал, что тема взаимоотношений Руси и Пиренейских государств не просто интересна, а исполнена глубокого смысла и требующего пристального внимания. Он видел в ней неисчерпаемый клад для будущих исследований, призывая к дальнейшему, более углубленному её изучению ([Ламанский, 1859: 90-122](#)).

В своей рецензии И.В. Лучицкий касается историографии вопроса, предлагая краткий, но ценный обзор, который, как нам кажется, необходимо привести в данной работе. В частности, благодаря обзору И.В. Лучицкого, известно, что тему рабства и работорговли на Пиренеях и соседних территориях поднимали такие авторы, как аббат Ж.-П. Папон (*Papon*), писавший в XVIII в. об истории Прованса, Анри Мартен (*Henry*) и Ж.-Б. Аляр (*Alart*),

изучавшие прошлое Руссильона (Лучицкий, 1886b: 1). Но вышеупомянутая тема ими была затронута частично, также И.В. Лучицкий подчёркивает, что эти историки не использовали в своих исследованиях такой ценный материал, как нотариальная документация, которая могла бы в целом пролить свет не только на экономическую сферу Руссильона того времени, но и на невольническую проблему. Помимо этого, ещё в 1881 г. испанским историком и юристом Б. Оливером-и-Эстеллером (Oliver), внедрившим в науку понятие «каталонские страны», издана книга по истории права в Каталонии, Майорке и Валенсии. Хотя Оливер-и-Эстеллер не исследовал историю рабства в регионе и в качестве источников ограничился лишь кутюмами (правовые обычаи какой-либо административно-территориальной единицы – *Прим. Е.К.*) Тортозы, однако благодаря его труду впервые было освещено юридическое положение рабов и заложены основы для дальнейшего изучения. И.В. Лучицкий, знакомый с работой Оливера-и-Эстеллера, считает, что француз Ж.-О. Брютэй взял за основу выводы испанского исследователя («хотя он тщательно и умалчивает о том») и применил их к Руссильону, но дополнив новыми аспектами свой очерк (Лучицкий, 1886b: 2).

После кропотливой работы И.В. Лучицкого тема обрела новые краски, открывая страницы истории о судьбах славян, попавших в рабство. Так ссылается на работу И.В. Лучицкого и затрагивает торговлю рабами с европейскими государствами современный историк Луняк Е.Н. в своей статье «Батыево нашествие в отображении французских средневековых авторов» (2021 г.), дополняя информацией из французских документальных свидетельств. Учёный высказывает мысль, что поток русских рабов, устремлявшийся на юг Франции (заметим, что тут автор не совсем точен: Руссильон перешёл во владение французской короны только в 1659 г. – *Прим. Е.К.*), лишь укреплял в сознании западного обывателя образ Руси как безраздельного владения потомков Чингисхана. Такое представление породило в европейских хрониках изображение угнетённой и опустошённой монгольским нашествием Руси, сохранявшееся вплоть до XVI в. (Луняк, 2021: 36-37).

Стоит упомянуть и работы, лишь мимолётно затрагивающие интересующую нас тему, объединённые общими географическими и хронологическими рамками. Так, профессор ЛГУ А.Е. Кудрявцев стал одним из первых советских исследователей, представивших труд «Испания в Средние века» (1937 г.). Эта книга, не являясь самостоятельным исследованием в полном смысле, создана путём синтеза предшествующих изысканий (Ауров), но всё же содержит краткое и в то же время ценное упоминание о рабстве в Каталонии XIII в. (Кудрявцев, 1937: 52).

Под редакцией профессора С.П. Карпова в 2003 г. увидел свет двухтомный учебник «История Средних веков», предназначенный для студентов исторических факультетов (История Средних..., 2003). В издании можно найти карту, представляющую политическое развитие испанских государств XI–XV вв., где обозначен и Руссильон. Кратко, но ёмко освещены вопросы эволюции колоната, кризиса рабовладения и социального статуса рабов. Общие сведения об экономическом положении испанских земель представлены в главе «Страны Пиренейского полуострова в XI–XV вв.», написанной С.Д. Червоновым, известным советским медиевистом и испанистом.

В исследовании «Работоторговля в Южном Причерноморье в первой половине XV в.» уже упоминаемый нами выдающийся российский историк, академик РАН С.П. Карпов скрупулёзно изучает торговлю людьми, развившуюся в регионе (Карпов, 1986). Данное исследование является ценным источником для изучения торговли невольниками, процветавшей в Каффе при содействии итальянских купцов. Оно может послужить справочным материалом, проливающим свет на судьбу славян, угоняемых в рабство и отправляемых в Западную Европу.

Профессор А. И. Клибанов, писавший об истоках русско-испанских взаимоотношений XV–XVI вв. (Клибанов, 1987), также не обошёл вниманием проблему русских невольников, попавших в Испанию в указанный временной промежуток.

Несмотря на то, что статья Л.Н. Хлудовой, А.А. Цыбулькиной «Торговля невольниками на Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа в живописных и письменных источниках XIX в.» (Хлудова, Цыбулькинова) напрямую не связана с русскими невольниками в испанских землях, авторы коснулись и более раннего периода: они подчёркивают особую роль итальянских купцов, активно задействованных в

средневековой работорговле и отправлявших рабов с Черноморского побережья в города и страны Западной Европы.

Подводя черту под историографическим обзором, следует признать: хотя труд И.В. Лучицкого не находится в полном забвении, тем не менее проблема рабства и работорговли славянскими невольниками в испанских владениях, словно *terra incognita*, ждёт своего исследователя. Очерк Ж.-О. Брютэя, к сожалению, остаётся почти незамеченным в русскоязычной историографии. И это весьма досадное упущение, так как, несмотря на присутствующие в работе изъяны, она не лишена уникальности и насыщена документальными свидетельствами о рабстве на Пиренеях. В отсутствие детальных работ, способных пролить свет на этот мрачный эпизод истории, вопрос остаётся открытым и требует пристального внимания.

4. Результаты

Рецензируя работу французского историка Ж.-О. Брютэя, И.В. Лучицкий погружает нас в самостоятельное исследование работорговли и рабства в Средневековой Испании, к которым он питал научный интерес и ранее, до очерка французского коллеги. Сам И.В. Лучицкий был хорошо ознакомлен с нотариальными книгами Перпиньяна (столица Руссильона эпохи Позднего Средневековья), которые велись с XIII в. и сохранились в архиве вплоть до второй половины XIX в. Эти бесценные документальные свидетельства помогли воссоздать многогранную картину рабства, процветавшего в Руссильоне в XIV–XV вв., в том числе и положение русских рабов, заброшенных на дальнюю чужбину.

Обращаясь к средневековой истории Пиренейского полуострова, в этом разделе мы рассмотрим на наиболее острые грани проблемы рабства и работорговли. В качестве опоры обратимся к трудам И.В. Лучицкого и Ж.-О. Брютэя, чьи работы проливают свет на интересующий нас вопрос.

1. И.В. Лучицким выделены социально-экономические причины распространения рабства не только в Руссильоне, но и на западном побережье Средиземноморья в целом. Этот аспект, на наш взгляд, представляет собой богатую пищу для дальнейших исследований, так как он приоткрывает завесу на глубинные основы существования и укоренения рабства в средневековых европейских государствах. Следуя позитивистской методологии, И.В. Лучицкий обнаруживает в работе Ж.-О. Брютэя существенный изъян. Французский историк не раскрывает причин возникновения института рабства в изучаемом регионе и ограничивается лишь географическим фактором: по его мнению, расположение Пиренеев, соседствующих с Африкой, обусловило соприкосновение с африканцами, которые и стали основным источником невольников для европейцев. Но, как показывает сравнение с соседними регионами, в Руссильоне институт рабства возникает лишь во второй половине XIII в., несмотря на близость к Африканскому континенту.

2. Исходя из исследования И.В. Лучицкого, главными причинами рабства в средневековом Руссильоне стали экономические. Из-за эпидемии чумы, разразившейся в XIV в. в Европе, население многих городов и селений значительно сократилось: например, в некоторых местах Руссильона население сократилось вдвое (Лучицкий, 1886b: 3-4). Местные сельскохозяйственные рабочие требовали высокой платы за свой труд, что вызывало негодование и разорение землевладельцев и приводило к ужесточению законодательства, касающегося заработной платы сельскохозяйственных рабочих (таксы на труд, припасы, введение системы штрафов и физических наказаний за нарушения договора и проч.). Земли приходили в запустение. Начались попытки внедрения рабского труда в аграрном секторе. Однако многие рабы, которые появились в Руссильоне с XIII в., и даже местные крестьяне пользовались тем, что регион граничил с французскими территориями, и совершали побеги. Последствием этого стало усиление работорговли и активное применение рабского труда вместо крестьянского с конца XIV в.

3. Описываемое время совпадает с кризисом Позднего Средневековья, после которого отмечаются значительные изменения в экономике европейских государств. Наблюдаются признаки развития товарно-денежных отношений, феодальные же, наоборот, разрушаются; развивается ремесло и торговля, растут города, возникают предпосылки для промышленного переворота и т.д. Такие же процессы мы видим и в Руссильоне.

Его столица, Перпиньян, становится крупным торговым и промышленным центром на Пиренеях. Особый размах приобретают здесь суконные мануфактуры.

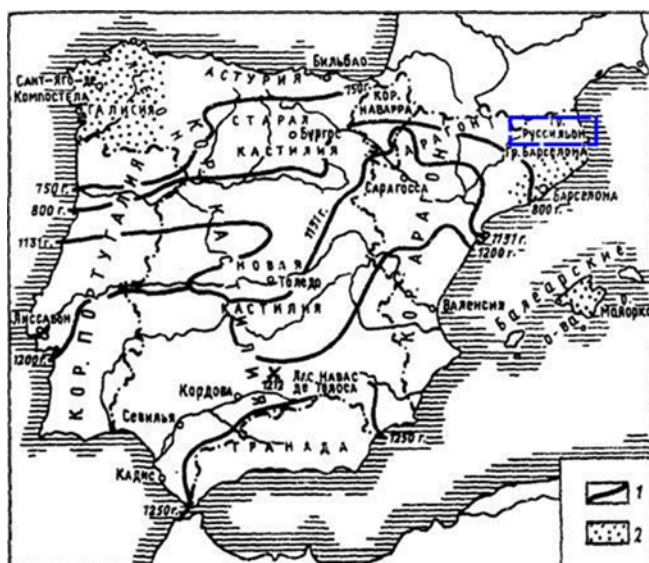


Рис. 1. Пиренейский полуостров в XI–XV вв. Обозначения: 1) границы Реконксты; 2) районы крестьянских восстаний XV в. (История Средних..., 2003: 444-445)

И если поначалу коренные жители Руссильона не занимались работорговлей, а рабов, в основном сарацин, привозили сюда купцы из Барселоны и Каталонии, то постепенно ситуация меняется. Например, в XIV в. есть сведения уже о профессиональных работорговцах, которые привозили рабов из Леванта для руссильонских купцов ([Brutails, 1886: 28](#)). И.В. Лучицкий указывает: «Нередко бывало и так, что перпиньянские купцы отдавали работорговцам <...> целые тюки сукна для продажи на восток, но с обязательством обмена сукна на рабов и рабынь» ([Лучицкий, 1886b: 7](#)). Выгоды, которые сулила работорговля, привлекали представителей разных сословий и званий: «как люди закона, так и люди меча» ([Brutails, 1886: 7-8](#)). Из нотариальных актов сохранилась информация о том, что рабов покупали не только купцы, но и юристы, дворяне, монахи и монахини, священники и епископы, рыцари ордена тамплиеров и др. Так, ещё в конце XIII в. власти Руссильона, дабы тоже получать прибыль, установили пошлину на ввоз рабов, которая равнялась 1 су за единицу живого товара.

4. В трудах Ж.-О. Брютэя и критических замечаниях И.В. Лучицкого проступает любопытная грань: позиция Римской католической церкви в отношении рабства. В предыдущем пункте уже был упомянут факт того, что даже представители церкви были вовлечены в работорговлю. И.В. Лучицкий считает, что «мировоззрение» заложило также её основы, как, например, и в Италии: «Всё, что не принадлежало к католическому миру, к римской церкви, считалось уже потому самому подлежащим рабству» ([Лучицкий, 1886b: 5](#)). Также приводятся сведения, что некоторые отцы церкви в своих проповедях провозглашали рабство естественным и законным, не препятствуя угнетению рабов. Это представление закрепляли и королевские указы ([Brutails, 1886: 6](#)). Религиозный фактор заметно отражался на жизни рабов. Документы дают несколько интересных фактов. Например, дети рабыни не всегда наследовали её положение: если дети являлись результатом связи христианина (католика) с рабыней, владеец которой – иудей, или, если их отец – христианин, а мать – его собственная рабыня-сарацинка, тогда предписывалось провести таинство крещения, которое освобождало ребёнка от статуса раба. Однако, если ребёнок появлялся из-за связи рабыни-сарацинки с посторонним лицом (пусть даже и христианином), то он не всегда освобождался и после крещения. Беременная рабыня-сарацинка от христианина могла быть продана только христианину-католику. После родов её могли продать кому угодно, а вот её ребёнка – только христианину. При этом во многих землях Пиренейского полуострова «ни еврей, ни сарацин или мавр, не могли держать у себя и покупать рабов христиан»

([Лучицкий, 1886b: 17](#)). При переходе раба в католическую веру его положение смягчалось: раб-христианин мог в последующем выкупить свою свободу. Что же касается рабов, исповадавших православие, то они приравнивались к отступникам, неверным.

Документы свидетельствуют об эпизодических случаях, когда рабовладелец, движимый любовью к богу и милосердием, даровал рабу свободу. За этой благочестивой фразой нередко скрывалась суровая действительность: новообращённая свобода часто оказывалась лишь отсрочкой, поскольку бывший раб обязывался продолжать служить своему господину на протяжении оговоренного срока. Так, в 1465 г. освобождённая вместе с детьми русская рабыня по имени Мария, «в знак признания их добрых заслуг», обязывалась служить ещё в течение двух лет бывшему владельцу ([Brutails, 1886: 32](#)).

5. Опираясь на юридические документы, преимущественно нотариальные акты и законодательные своды, как Ж.-О. Брютэй, так и И.В. Лучицкий подробно раскрывают социальное положение рабов в средневековой общественной структуре Пиренейского полуострова. Данный аспект довольно объёмный и составляет значительную часть исследований обоих историков и заслуживает отдельного изучения. В нашей статье мы обратимся к наиболее значимым его составляющим. Из предыдущих пунктов видно, что, во-первых, рабы в Руссильоне приобретались, как правило, из-за нехватки рабочих рук в аграрном секторе. Власти всячески поддерживали бедствующих землевладельцев, в том числе защищали законодательно их права на имущество, а раб таковым и являлся. Раб также обязан был вернуть собственнику ту сумму, которую на него израсходовали. Имело место даже страхование раба, чтобы в случае его бегства рабовладелец мог получить компенсацию от местного управления в виде полной стоимости этого раба. Кроме того, власти занимались сыском беглых рабов и возвращением их к владельцам: для этого были усилены приграничные посты, а также создан специальный штат полицейских, следящих за всеми дорогами. Когда эти меры не помогали, то правительство обращалось к соседнему государству с требованием выдавать беглых рабов (очень часто из Руссильона и ближайших земель рабы пытались спастись бегством во Францию). Тем, кто содействовал в поимке раба, предназначалась награда, а посредникам и сообщникам в бегстве невольников могла грозить пожизненная каторга ([Лучицкий, 1886b: 10-11](#)). Были попытки рабовладельцев отойти от суровых мер: обещания дать полную свободу рабу, если он вернётся из своего побега в течение 8 дней и при условии 12 лет дальнейшей преданной службы господину, а также, если он сможет заплатить определённую сумму ([Лучицкий, 1886b: 11](#)) – всё это нередко оставалось лишь призрачной возможностью получить свободу. Таким образом, приведённые меры не оказали ожидаемого воздействия на рабов: бегство в соседнюю Францию продолжалось, рабочих рук также не хватало, средние цены на рабов со второй половины XIV в. значительно увеличились.

В ремесленном производстве Руссильона рабский труд не получил широкого распространения. Есть только упоминания, что иногда рабы становились чистильщиками шерсти, красильщиками, сыромятниками, трудились на верфях или производстве хлопчатобумажных тканей, но количество их было весьма незначительным. И.В. Лучицкий, проводя параллели со средневековой Италией, видит причины такого явления в том, что местные ремесленники и власти опасались, что секреты производства будут раскрыты конкурентам через беглых рабов ([Лучицкий, 1886b: 12](#)). Как мы увидим далее, значительное количество рабов (особенно рабынь) руссильонцами покупалось для того, чтобы использовать их в качестве домашней прислуги и для личных надобностей.

Во-вторых, религиозный аспект, о котором было написано выше, оказывал сильное влияние на социальное положение раба. Зачастую рабы не католической веры были угнетаемы сильнее, чем рабы «крещёные», они испытывали на себе «полное рабство», в частности это касалось военнопленных из «врагов веры». Быть католиком для раба становилось выгоднее, так как он получал возможность выкупить свою свободу. Закон выступал на стороне раба-католика, если тот не получал согласия от господина на его выкуп. Раб-католик мог обратиться к третьему лицу, чтобы оно помогло организовать сделку с господином по выкупу невольника на свободу.

Рабское положение несло в себе огромное количество правовых ограничений и запретов. Приведём некоторые примеры, сохранившиеся в испанских юридических актах и описанные Ж.-О. Брютэйем: рабу запрещалось делать завещание, распоряжаться

имуществом, заключать договоры и сделки, являться в суд и быть там истцом или ответчиком (*Brutails*, 1886: 14). Ввиду того, что раб являлся собственностью, то его владелец обладал правом решать многие юридические вопросы за раба или не нес ответственность за преступления раба (например, оплатить убытки потерпевшей стороне). Но бывали и исключения. Случались прецеденты (уголовного характера), когда рабов могли вызывать в суд в качестве свидетелей, не запрашивая разрешения у их господ: 1) сокрытие завещания, в котором рабу даровалась свобода; 2) фальшивомонетничество; 3) убийство рабовладельца (*Лучицкий*, 1886b: 20).

По воле господина раб мог обладать движимым имуществом, выкупить свободу вместе с этим имуществом, заключить брак, а также получить назначение заведовать «какими-либо учреждениями и предприятиями частного характера: имениями, кораблями (в качестве капитана)» (*Лучицкий*, 1886b: 21). Вместе с тем рабовладелец, как глава семьи, мог вершить домашний суд над рабами, наказывая их по своему усмотрению: ударами кнута, обливанием горячим маслом, заковыванием в цепи, вешанием на ноги и руки колодок, заключением в тюрьму (*Лучицкий*, 1886b: 22). Законодательно запрещались только убийство раба и отсечение ему частей тела. Невольник мог освободиться от оков своего рабского состояния только несколькими способами: либо по воле господина, либо по закону. Если по каким-то причинам раб оставался без хозяина, то по решению местных властей он переходил в собственность королевства. Таким же образом могли помиловать осуждённого на смерть раба и конфисковать его в пользу казны. Приведённая выше специфика рабского состояния практически повсеместно встречалась в средневековых испанских землях.

6. И.В. Лучицкий, анализируя кутюмы Тортозы (в совр. Тортоса – город в Каталонии – *Прим. Е.К.*), выделяет два главных источника рабства и считает, что они были применимы ко всем испанским землям, где существовало указанное явление. При изучении очерка Ж.-О. Брютэя возникает аналогичное утверждение.

Первый источник рабства – принцип материнства. Дети наследовали статус матери, независимо от того, был ли их отец вольным человеком или нет. Единственное, что оговаривалось, – религиозный аспект, о котором речь шла в пункте 2 настоящей статьи. Нотариальные акты, хранящие информацию о купле-продаже рабов, дают представление, что дети рабыни также рассматривались как живой товар: их могли продать отдельно от матери, вернуть обратно владельцу, если условие о совместной продаже матери с детьми не было зафиксировано в договоре; помимо этого, цена на ребёнка-раба зачастую была высокой и их могли продавать с самого раннего возраста (есть упоминание, например, о желании господина продать 4-летнего ребёнка рабыни). После заключения брака между рабыней и свободным её дети не обретали автоматически свободу – требовалось нотариально заверенное разрешение её господина. Ж.-О. Брютэй приводит выдержку из нотариальной книги от 2 октября 1419 г., в которой говорится о том, что рабовладелец-купец предоставляет свободу своей рабыне, которая ещё 3,5 года назад вышла замуж за свободного человека, а также её законным детям, которые, хотя и могли быть свободными по праву, но требовалось дополнительное нотариально заверенное подтверждение (*Brutails*, 1886: 12).

Второй источник, который и в Средние века давал массу новых рабов и не является новым для истории человечества, – это война. Пленники, полученные в результате военных действий, И.В. Лучицкий делится на две категории, с опорой на правовые документы Каталонии: собственно рабы (*sclavi*, *servi*, *sclau*) и военнопленные рабы (*captivi*, *catius*). Последние были серьёзно ограничены в своих правах: не допускались в суд в качестве свидетелей по гражданским и уголовным делам, могли подвергаться тяжким наказаниям со стороны владельца; если военнопленный не являлся католиком, то с ним допускалось обращаться с особой жестокостью, так как он являлся «врагом веры» (*Лучицкий*, 1886b: 18). Военнопленный-католик находился в сравнительно лучшем положении: его рабское положение было временным, пока велась война и пока он не внесёт выкуп за освобождение. Королевская власть порой предоставляла законное и неограниченное право своим гражданам пленить и обращать в рабов тех, кто посягнёт на границы их земель, в том числе речь шла и о единоверцах (*Brutails*, 1886: 38-39). Значительна была и роль пиратов в деле военнопленных и торговле невольниками: «Публичное средневековое право предоставляло корсарам полное и неограниченное право вести войны и производить набеги на страны неверных и распоряжаться по своему усмотрению пленными <...> ввозить в город пленных и

распродавать их в рабство либо с публичного торга, либо путём частных сделок. И это их право считалось настолько неприкосновенным, что закон брал их под свою защиту, гарантируя им получение цены за проданного раба» (Лучицкий, 1886b: 18). Особенно это было характерно с XV в., когда заканчивается война за Кастильское наследство, утихает Каталонское восстание, развивается торговля и мореплавание, а руссильонцы всё больше прибегают к покупке рабов от корсаров и из Леванта.

7. Этнический состав прибывавших в Руссильон рабов был разнообразен, и о нём сохранились любопытные данные в работах уже неоднократно упоминаемых нами авторов. Изучая труды И.В. Лучицкого и Ж.-О. Брютэя, можно сделать следующее наблюдение по этнической структуре руссильонских рабов: сначала рабами были арабы, африканцы (обозначенные терминами «сарацины», «мавры» — т.е. все мусульмане), ввозимые из Каталонии и Барселоны (XIII — первая половина XIV в.), затем появляются татары, греки, русские, черкесы, болгары (вторая половина XIV–XV в.) и др. Отметим интересное оперирование термином «татары», «татарка» в нотариальных актах: по мнению И. Лучицкого, так называли в средневековой Европе представителей славянской этнической группы. В подтверждение своей мысли он приводит следующие факты: 1) в нотариальных актах фигурируют «татары-рабы» «белые» и «татары-рабы» «жёлтые»; 2) имена «белых» рабынь — «татарок» также не соответствовали этническому признаку — Марфа, Лукия, Катерина, Мария, Пасхалий и др. (Лучицкий, 1886b: 8). С этим значением терминов отчасти согласны современные исследователи. Например, М.А. Астахов, который подробно рассматривает, какой этнической принадлежностью, именами, цветом кожи обозначались невольники в испанских документах, а также считает, что в договорах купли-продажи рабов существовала «дифференцированная система обозначения этносов» (Астахов, 2017: 40).

Упоминание «татар» и «русских» рабов хронологически совпадает со временем господства на востоке Золотой Орды, через земли которой они отправлялись на чужбину, продаваемые в основном итальянскими купцами (Пачкалов, 2025). Спрос на русских рабов приобретает особый размах в XV в.; цена на них значительно высока, судя по документам, приведённым Ж.-О. Брютэем в его очерке. Поэтому И.В. Лучицкий доказывает, что цена раба зависела в первую очередь от его национальности, а затем уже от его качеств и цели применения: «...Русские рабы и рабыни стоили на рынке дороже всего. Цены за них колебались между 50 и 100 ливрами, тогда как за эфиопов максимум доходил всего до 60 ливров, а минимум до 50 ливров. Цены за черкесов и черкешенок колебались между 27 и 60 ливрами, за сарацин — между 45 и 50, за негров — между 40 и 49. Ниже всего стояли босняки, минимальная цена за которых равнялась 34 ливрам, максимальная не шла выше 45 ливров в XV столетии. Пол не влиял, по-видимому, на цены <...> русские рабы продавались нередко по такой же высокой цене, как и русские рабыни» (Лучицкий, 1886b: 9). Однако современные авторы ставят под сомнение данный вывод: М.А. Астахов настаивает на том, что внешность и физическое состояние невольника являлись определяющими цену факторами (Астахов, 2017: 45).

6. Проблема женского рабства прослеживается в работах Ж.-О. Брютэя и И.В. Лучицкого весьма ярко. Причина этого кроется в том, что большим спросом в Руссильоне обладали невольницы, которые широко использовались в качестве домашней прислуги. Главными критериями в установлении ценности рабыни, по мнению И.В. Лучицкого, выступали этническая принадлежность, красивые черты внешности, цвет кожи и возраст. О судьбах руссильонских рабынь сохранилось большое количество информации благодаря нотариально завершённым сделкам, что превращает это скорбное явление в плодородную почву для исторического анализа.

Приведём наиболее характерные черты женского рабства в Руссильоне XIV–XV вв. Женский рабский труд, как говорилось выше, чаще всего применялся в домашнем хозяйстве, а также рабыни покупались господином для самых различных надобностей. Ж.-О. Брютэй приводит уникальный, задокументированный прецедент, когда рабыня приобреталась с целью заключения законного брака: «19 июля 1449 г. Фернан де Каррион из Перпиньяна продал Мишелю де Беллоку на 3 года, 5 месяцев, 26 дней и за 25 золотых арагонских флоринов черкешенку по имени Катерина, 31 года, “которую вы обещали взять в жёны”. Нотариус, следуя обычаю, гарантировал покупателю отсутствие всех видимых или скрытых болезней рабыни. Мишель де Беллок, со своей стороны, снова обязался публично

жениться на Екатерине» ([Brutails, 1886: 20](#)). Если принять во внимание логические выводы историка М.А. Астахов ([Астахов, 2017: 41](#)), сделанные им в работе о русских пленниках и рабах в Арагонской короне в эпоху Позднего Средневековья, осмелимся предположить, что указанная рабыня, по всей вероятности, действительно происходила из черкесского этноса, а имя Катерина получила, обратившись в католическую веру.

В указанный временной промежуток, как видно из трудов И.В. Лучицкого, на невольничьих рынках Руссильона и итальянских городов высокого спроса достигали «русские рабыни» ([Лучицкий, 1886a](#); [Лучицкий, 1886b](#)), возраст которых был преимущественно 18–30 лет. Исследователь, характеризуя положение русских невольниц в Руссильоне, приводит информацию о том, что с XV в. в нотариальных актах об этих рабынях появляются сведения, что они могут служить кормилицами ([Лучицкий, 1886b: 12-13](#)). Рабовладельцы довольно быстро оценили прибыльность новой практики. Поэтому, приобретая дорогую русскую рабыню, они в течение небольшого времени возвращали свои затраты, получая за неё стабильный доход в виде наёмной платы. Наниматель же нотариально обязывался вернуть рабыню-кормилицу в целости и невредимости. Но дело, выгодное рабовладельцам Руссильона, обернулось печальным явлением: в конце XV в. приюты Перпиньяна были переполнены незаконнорожденными, брошенными детьми, чьи матери часто были рабынями-кормилицами, а общественная мораль столицы пыталась бороться с развратом, который порождал такое обстоятельство.

Сделки купли-продажи и найма рабынь обязательно регистрировались в Руссильоне нотариально и сопровождалась пунктами, включавшими обязанности сторон. Рабовладельцем и покупателем/нанимателем оговаривалось состояние здоровья рабыни, которое, если было недостоверным (например, имелись у неё такие болезни, как «сумасшествие», «падучая болезнь» и др.), то служило причиной для расторжения сделки и даже обращения в суд. Что касается закона, то он, как и в общем в случае, защищал имущество рабовладельца: за покушение на рабыню, причинение ей вреда или насилие над ней полагались серьёзные наказания, вплоть до повешения ([Лучицкий, 1886b: 14-15](#)).

5. Заключение

И.В. Лучицкий внёс огромный вклад в становление и развитие не только российской исторической науки, но и был признанным за рубежом специалистом по истории западноевропейских стран, ярким представителем знаменитой «École russe» благодаря изучению социально-экономических и политических процессов предреволюционной Франции. Также его усилия дали импульс к зарождению такого направления, как российская испанистика, а его ученик В.К. Пискорский занимался испанской медиевистикой и положил начало собственно школе испанистики в отечественной исторической науке. Труд И.В. Лучицкого «Русские рабы и рабство в Руссильоне в XIV и XV вв.», несмотря на заявленный характер рецензии, имеет под собой весомые материалы и их анализ, поэтому может выступать как ценный исторический источник по исследуемой проблематике. Этот вывод в полной мере относится и к рецензируемой И.В. Лучицким работе французского историка Ж.-А. Брютэя «*Étude sur l'esclavage en Roussillon du XIII^e au XVII^e siècle*». Как было уже отмечено выше, ни очерк Ж.-А. Брютэя, ни само имя автора не известны широко современной российской исторической науке.

Погружаясь в изучение этих двух уникальных изысканий историков XIX в., можно выделить следующие аспекты рабства и их влияние на развитие данного явления, имевшего место на Пиренейском полуострове в период Позднего Средневековья:

1) Социально-экономические факторы в распространении рабства в Руссильоне и на Пиренеях в целом играли ведущую роль ввиду нехватки рабочих рук и дешёвого труда, усугублённой последствиями «Чёрной смерти» XIV в., а также начавшимся кризисом феодальной системы. Они значительно поспособствовали укоренению такой практики, как рабство и работорговля.

2) Позиция Римской католической церкви в отношении рабства не характеризовалась милосердием. Вместо осуждения рабство преподносилось как нечто естественное, предопределённое свыше. Представители церкви не гнушались иметь собственных рабов и были также задействованы в сделках по работорговле, получая прибыль. Рабы,

не принадлежащие к католической вере, например, мусульмане или православные, находились в самом незавидном положении и часто угнетались.

3) Социальное и правовое положение рабов в Руссильоне и на Пиренейском полуострове мало чем отличалось от других регионов, где имело место рабство. Они преимущественно были задействованы в сельском хозяйстве, изредка – в ремесленном производстве. Раб не обладал гражданскими правами, расценивался как имущество и живой товар, находился практически в полном распоряжении своего господина. Закон защищал раба только от лишения жизни и серьезных изувечий. В противовес этому закон оберегал рабовладельцев и даже помогал им в поисках сбежавших рабов.

4) Рабство в Руссильоне возникает в XIII в., а достигает своего апогея в XIV–XV вв., о чём свидетельствует и количество нотариально заверенных сделок рабовладельцев. Выделяется и два главных источника рабства, которые были характерны и для других регионов, где имело место рабство, – принцип наследования рабского статуса по материнской линии и пленники, добытые во время военных действий и набегов (например, корсаров).

5) Этнический состав руссильонских рабов представлял собой пёструю картину. Здесь были не только мавры и сарадины, но ещё встречались татары, черкесы, греки, русские, болгары, босняки и т.д. Под термином «татары» не всегда были записаны в нотариальных актах представители одноимённой этнической группы; очевидно, что речь могла идти и о славянах, отличавшихся особыми внешними качествами (белый цвет кожи, например), которые ценились на руссильонских рынках живого товара.

6) Что касается гендерного аспекта, то к XV в. среди рабов Руссильона значительную долю стали занимать женщины возрастом от 18 до 30 лет. Они были задействованы не только как домашняя прислуга, но и использовались своими владельцами в качестве кормилиц, которые «сдавались в аренду» на определённый срок нанимателю.

7) Таким образом, опираясь на труды И.В. Лучицкого и Ж.-А. Брютэя, можно воссоздать живую картину рабства в Руссильоне, проследить непростые пути этого явления, выделить его уникальные черты и общие закономерности, эхом отзывающиеся по всему Западнему Средиземноморью и Европе. Выделенных в представленной статье пункты, на наш взгляд, требуют дальнейшей разработки и глубокого изучения историками. Введение же в научный оборот забытых работ И.В. Лучицкого и Ж.-А. Брютэя, рассмотренных сквозь призму современной исторической науки и накопленного опыта и знаний, несомненно, откроет новые, доселе сокрытые горизонты рабства и работорговли.

Литература

Астахов, 2017 – Астахов М.А. Русские пленники и рабы в Арагонской Короне XIV–XV вв. / *Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха: коллективная монография*. М., 2017. С. 39–46.

Ауров – Ауров О. Русская испанистика // Образовательный сайт «Магистерия». [Электронный ресурс]. URL: <https://magisteria.ru/history-of-medieval-spain/russian-hispanic-studies> (дата обращения: 25.06.2025).

Васильев, 2010 – Васильев Ю.А. Феномен «Ecole gusse»: теория истории Н. И. Кареева (начало) // *Знание. Понимание. Умение*. № 2. 2010. С. 124–128.

История Средних..., 2003 – История Средних веков: В 2 т. Т. 1: Учебник / Под ред. С.П. Карпова. М.: Изд-во Моск. ун-та; Изд-во «Высшая школа», 2003. 640 с.

Карпов, 1986 – Карпов С.П. Работорговля в Южном Причерноморье в первой половине XV в. (преимущественно по данным массарий Каффы) // *Византийский временник*. Т. 46. 1986. С. 139–145.

Клибанов, 1987 – Клибанов А. И. У истоков русско-испанских взаимосвязей (80-е годы XV–XVI вв.) // *Вопросы истории*. №7. 1987. С. 45–59.

Кудрявцев, 1937 – Кудрявцев А.Е. Испания в Средние века. Л., 1937. 250 с.

Ламанский, 1859 – Ламанский В.И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб.: тип. Акад. наук, 1859. 370 с.

Лиман, 2006 – Лиман С.И. Средневековая Италия в трудах медиевистов украинских земель Российской империи (1804–1885 гг.) // *Проблемы истории, филологии, культуры*. № 16–1. 2006. С. 338–357.

Луняк, 2021 – Луняк Е.Н. Батыево нашествие в отображении французских средневековых авторов // *Золотоордынское обозрение*. №1. Т. 9. 2021. С. 28-42.

Лучицкий, 1886a – Лучицкий И.В. Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV и XV вв. Киев: Унив. тип. (И.И. Завадского), 1886. 56 с.

Лучицкий, 1886b – Лучицкий И.В. Русские рабы и рабство в Руссильоне в XIV и XV вв. A. Brutails, étude sur l'esclavage en Roussillon du XIII au XVII s. 1886: [Рец.]. Киев : Унив. тип., 1886. 30 с.

Пачкалов, 2025 – Пачкалов А.В. О связях государств Пиренейского полуострова с Золотой Ордой // *Золотоордынское обозрение*. Т. 13. №1. 2025. С. 61-71.

Хлудова, Цыбульников – Хлудова Л.Н., Цыбульникова А.А. Торговля невольницами на Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа в живописных и письменных источниках XIX в. // *Российский Кавказ*. [Электронный ресурс]. URL: <https://roskav.ru/populyarno/torgovlya-nevolnitsami-na-chernomorskom-poberezhe-severo-zapadnogo-kavkaza-v-zhivopisnyh-i-pismennyh-istochnikakh-xix-v-2/> (дата обращения: 25.06.2025).

Brutails, 1886 – Brutails J.-A. Étude sur l'esclavage en Roussillon, du XIIIe au XVIIe siècle. Paris, 1886. 44 p.

References

Astakhov, 2017 – Astakhov, M.A. (2017). Russkie plenniki i rabi v Aragonskoi Korone XIV-XV vv. [Russian captives and slaves in the Crown of Aragon in the 14th-15th centuries]. Ispaniya i Rossiya: istoricheskie sudbi i sovremennaya epokha: kollektivnaya monografiya. M. Pp. 39-46. [in Russian]

Aurov – Aurov, O. Russkaya ispanistika [Russian hispanic studies]. Obrazovatel'nyi sait «Magisteriya». [Electronic resource]. URL: <https://magisteria.ru/history-of-medieval-spain/russian-hispanic-studies> (date of access: 25.06.2025). [in Russian]

Brutails, 1886 – Brutails, J.-A. (1886). Étude sur l'esclavage en Roussillon, du XIIIe au XVIIe siècle [Study on slavery in Roussillon, from the 13th to the 17th century]. Paris. 44 p. [in French]

Istoriya Srednikh..., 2003 – Istoriya Srednikh vekov: V 2 t. T. 1: Uchebnik [History of the Middle Ages: In 2 volumes. Volume 1: Textbook]. Pod red. S.P. Karpova. M.: Izd-vo Mosk. un-ta; Izd-vo «Visshaya shkola», 2003. 640 p. [in Russian]

Karpov, 1986 – Karpov, S.P. (1986). Rabotorgovlya v Yuzhnom Prichernomore v pervoi polovine XV v. (preimushchestvenno po dannim massarii Kaffi) [Slave trade in the Southern Black Sea region in the first half of the 15th century (mainly based on data from the Kaffa massariums)]. Vizantiiskii vremennik. 46: 139-145. [in Russian]

Khludova, Tsibulnikova – Khludova, L.N., Tsibulnikova, A.A. Torgovlya nevolnitsami na Chernomorskom poberezhe Severo-Zapadnogo Kavkaza v zhivopisnykh i pismennykh istochnikakh XIX v. [Slave trade on the Black Sea coast of the North-West Caucasus in pictorial and written sources of the 19th century]. Rossiiskii Kavkaz. [Electronic resource]. URL: <https://roskav.ru/populyarno/torgovlya-nevolnitsami-na-chernomorskom-poberezhe-severo-zapadnogo-kavkaza-v-zhivopisnyh-i-pismennyh-istochnikakh-xix-v-2/> (date of access: 25.06.2025). [in Russian]

Klibanov, 1987 – Klibanov, A. I. (1987). U istokov russko-ispanskikh vzaimosvyazei (80-e godi XV-XVI vv.) [At the origins of Russian-Spanish relations (80s of the 15th-16th centuries)]. Voprosi istorii. 7: 45-59. [in Russian]

Kudryavtsev, 1937 – Kudryavtsev, A.E. (1937). Ispaniya v Srednie veka [Spain in the Middle Ages]. L. 250 p. [in Russian]

Lamanskii, 1859 – Lamanskii, V.I. (1859). O slavyanakh v Maloi Azii, v Afrike i v Ispanii [About the Slavs in Asia Minor, Africa and Spain]. SPb.: tip. Akad. nauk. 370 p. [in Russian]

Liman, 2006 – Liman, S.I. (2006). Srednevekovaya Italiya v trudakh medievistov ukrainskikh zemel Rossiiskoi imperii (1804-1885 gg.) [Medieval Italy in the works of medievalists of the Ukrainian lands of the Russian Empire (1804-1885)]. Problemi istorii, filologii, kulturi. 16-1: 338-357. [in Russian]

Luchitskii, 1886a – Luchitskii, I.V. (1886). Rabstvo i russkie rabi vo Florentsii v XIV i XV vv. [Slavery and Russian slaves in Florence in the 14th and 15th centuries]. Kiev: Univ. tip. (I.I. Zavatskogo). 56 p. [in Russian]

Luchitskii, 1886b – *Luchitskii, I.V.* (1886). Russkie rabi i rabstvo v Russilone v XIV i XV vv. A. Brutails, étude sur l'esclavage en Roussillon du XIII au XVII s. 1886: [Rets.] [Russian slaves and slavery in Roussillon in the 14th and 15th centuries. A. Brutails, study on the slavery in Roussillon from the 13th to the 17th centuries. 1886: [Review]. Kiev: Univ. tip. 30 p. [in Russian]

Lunyak, 2021 – *Lunyak, Ye.N.* (2021). Batievo nashestvie v otobrazhenii frantsuzskikh srednevekovikh avtorov [Batu's invasion as depicted by French medieval authors]. *Zolotoordinskoe obozrenie*. 1(9): 28-42. [in Russian]

Pachkalov, 2025 – *Pachkalov, A.V.* (2025). O svyazyakh gosudarstv Pireneiskogo poluostrova s Zolotoi Ordoi [The connections of the Iberian Peninsula States with the Golden Horde]. *Zolotoordinskoe obozrenie*. 13(1): 61-71. [in Russian]

Vasilev, 2010 – *Vasilev, Yu.A.* (2010). Fenomen «École russe»: teoriya istorii N. I. Kareeva (nachalo) [The phenomenon of “École russe”: N.I. Kareeva's theory of history (beginning)]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2: 124-128. [in Russian]

Рабство на Пиренеях в эпоху Позднего Средневековья: обращаясь к трудам И.В. Лучицкого и Ж.-О. Брютэя о рабстве и работорговле в Руссильоне

Евгения Владимировна Кравцова ^{a, *}

^a Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуются аспекты рабства и работорговли на Пиренейском полуострове, а именно в его северо-восточной части, в землях Руссильона. Хронологический период изучаемой проблематики захватывает этап Позднего Средневековья (XIV–XV вв.), когда Руссильон был испанской территорией. В качестве опорных материалов выступают исследования историков XIX в. – И.В. Лучицкого и Ж.-О. Брютэя. Через рецензию И.В. Лучицкого «Русские рабы и рабство в Руссильоне в XIV и XV вв.» (1886 г.), отличающуюся особой глубиной, введением исторических документов и проведением собственного анализа обозначенной проблемы, исследовательский путь ведёт к очерку французского автора Ж.-О. Брютэя, посвящённому теме рабства в Руссильоне XIII–XVII вв. Его франкоязычное изыскание «Étude sur l'esclavage en Roussillon, du XIIIe au XVIIe siècle» (1886 г.) также является весьма ценным источником для историков: оно содержит множество выдержек, цитат, копий текстов нотариальных актов, постановлений властей, статистических данных. При изучении указанных трудов выявлены следующие ключевые грани рабства, характерные для средневекового Руссильона: 1) социально-экономические причины распространения рабства; 2) влияние религиозного фактора и неоднозначное отношение католической церкви к рабству; 3) тяжёлое социальное и правовое положение невольников; 4) источники, пополнявшие слой рабов; 5) этническое разнообразие рабов, прибывавших не только с Африканского континента и берегов Средиземноморья, но и с далёкого Черноморского побережья; 6) распространение женского рабства и его специфические, порой ужасающие черты. Раскрытие этих сторон, несомненно, является актуальной задачей и требует дальнейшей разработки и пристального внимания со стороны современных исследователей.

Ключевые слова: рабство и работорговля в Испании, Руссильон, И.В. Лучицкий, Ж.-О. Брютэй, русские рабы, женское рабство, нотариальные акты, Позднее Средневековье.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: evgeniya-sinchina@yandex.ru (Е.В. Кравцова)